# Раздел Индии

*Известный хадисовед Закария Кандехлеви (1898–1982) пишет о событиях 1947 г. Тогда мусульмане, освободившись от британской оккупации, стали перед выбором: оставаться ли им в одном государстве с индуистами или же полностью отделиться. Первую точку зрения поддерживал Индийский национальный конгресс, а вторую – Мусульманская лига. Шейх Кандехлеви был одним из тех, кого уважали и те, и другие.*

Долгие годы раздел Индии был предметом самых горячих споров. День и ночь проводились собрания, провозглашались политические девизы и т. п. Страсти накалялись. В нашей местности больше поддерживали Индийский национальный конгресс. Мусульманская лига пользовалась меньшей популярностью.

Противостояние двух лагерей было настолько сильным, что за любые связи с Мусульманской лигой человека называли предателем, англофилом и т. д. Если же человек поддерживал Конгресс, его начинали ругать уже сторонники Лиги, называя рабом Конгресса или продавшимся Конгрессу за деньги и пр. Оба лагеря оскорбляли друг друга так, что конца и края этому не было видно.

Видя все это, я решился на написание книги «Итидаль», которая была оценена обеими сторонами. Шейх Мадани постоянно носил ее с собой в поездках. На собраниях шейха Танви, как я слышал, о ней тоже говорили весьма часто. Впрочем, достоверных сообщений на этот счет у меня нет, поэтому цитат не привожу. Но я знаю, что многим серьезным политическим фигурам с обеих сторон тема книги пришлась по душе. Я получил немало писем в этой связи.

После смерти моего дяди, шейха Ильяса, по просьбе шейха Юсуфа я обычно проводил весь рамадан в итикафе в Низамуддине, но в 1364 г. х. (1945 г.) половину рамадана я провел в Сахаранпуре. В то время у сторонников Лиги был девиз, который они выкрикивали на каждом своем собрании:

– Мы возьмем Пакистан! Даже если умрем! Даже если придется убивать! Ценой крови!

Даже в рамадан после таравиха и до сухура эти крики были слышны.

Я пытался отговорить людей от этого, раз за разом направлял им послания:

*Эти благословенные ночи рамадана – время для мольб. Если вам нужно, то вознесите же мольбу о своем Пакистане. Но просите Пакистана, а не его же посредством убийств и крови.*

Но люди так были взбудоражены, что разум их стал помутнен. В хадисе говорится, чтобы мы не проклинали своих детей и имущество. Ведь есть такие моменты, когда Всевышний Аллах принимает любую мольбу:

*У Аллаха есть определенные моменты, когда ни один просящий не будет отвергнут.*

Данный хадис цитировался различными способами. В сборнике «Мишкат» Табризи это сообщение приводилось со слов господина Джабира (да будет доволен им Аллах):

*Не проклинайте себя. Не проклинайте свое имущество и своих детей. Пусть не случится так, что ваша мольба окажется в то время, когда Аллах принимает ваши мольбы.*

Этот недуг очень распространен среди женщин. Когда они разгневаны на детей, они проклинают их: «Да чтоб ты сгинул!», «Да чтоб ты ума лишился!». Когда же проклятие

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

принимается и становится реальностью, те же самые женщины сидят и плачут.

На своих уроках я всегда подчеркиваю, чтобы при обращении к Аллаху человек использовал мольбы из Корана и хадисов. Ведь там содержатся мольбы на все наши нужды как в этой жизни, так и на том свете.

Здесь я немножко отклонюсь от темы, но приведу весьма уместную историю. Я не раз слышал от шейхов и часто говорил на уроках, что не стоит возносить мольбу своими словами. Совершайте мольбы словами пророка (салляллаху алейхи уа саллям), ведь, во-первых, это слова любимца Аллаха, и они имеют большую ценность перед Аллахом. Во-вторых, эти слова столь емкие, что включают все желания человека.

Итак, история:

*Народный танцор, ходивший из селения в селение пешком, по дороге устал и сказал:*

– О, Аллах! Мне нужна лошадь.

Он вознес эту мольбу в крайнем волнении, огромной нужде и с чрезвычайной искренностью. В конце, разозленный, он сказал:

– О, Аллах! Если не лошадь, то дай мне хотя бы жеребенка!

На мольбы, совершенные в чрезвычайном волнении и нужде, Аллах быстро дает ответ (в этом я не раз убеждался на своем опыте).

В это время глава ближнего селения скакал на кобыле, но та по дороге ожеребилась. Всадник теперь не знал, как ему донести новорожденного жеребенка домой. Увидев танцора, он обратился к нему:

– Эй, танцор! Возьми-ка жеребенка и неси его на плечах.

Бедняга, который и идти толком не мог, не то что еще кого-то нести, в шоке сказал:

– О, Аллах! Я просил о лошади подо мной, а получил жеребенка на мне!

Поэтому я говорю своим друзьям, а через них и их женщинам:

– Если ваши дети заслуживают наказания, наказывайте, сколько угодно, но никогда не проклинайте их и не делайте мольб против них. Всегда старайтесь возносить мольбы, соответствующие Сунне, из хадисов и Корана.

Как бы то ни было, на мольбу сторонников Лиги был дан ответ: Индия в итоге разделилась. Но при этом случилось также все то, о чем они просили в рамадан. Образование Пакистана произошло через убийства, смерти и кровь.

Два чрезвычайно уважаемых мною шейха – хазрат Мадани и хазрат Танви – придерживались противоположных взглядов в отношении раздела Индии, и для сторонников двух лагерей этот момент был очень трудным и болезненным.

Однажды ко мне обратился мулла Манфаат Вакиль Али (он впоследствии переехал в Пакистан, где и умер, милость ему Аллаха). Он был особенным учеником моего отца и относился к нему с чрезвычайным почтением. Мулла был также моим другом, впоследствии став мюридом хазрата Танви и войдя в его ближайшее окружение. Он был настоящей душой сахаранпурского отделения Лиги и, если не ошибаюсь, его главой. Не будет преувеличением

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

сказать, что мулла был фанатичным последователем политики, проводимой Лигой. Он писал мне:

*Я задаю тебе этот вопрос не ради его публикации или твоей поддержки, а лишь чтобы успокоить свое сердце. Я задаю его, помня о той тесной связи, что у меня была с твоим отцом:*

каково твое мнение о разделе Индии?

Твой ответ останется между нами, я никому его не расскажу. Пожалуйста, напиши вкратце.

В душе я хотел попросить его обсудить этот вопрос вживую, лицом к лицу, но боялся, что мои слова будут не так поняты. Поэтому я коротко ответил:

*Я совершенно не знаю политики и не разбираюсь в ней. Эти вещи лучше известны тем, кто ею занят. Но что я знаю, так это то, что территория между Джамной и Гангом, ставшая посредством бараката хазратов Гангохи, Нанотви и Танви центром духовного обучения, праведности, религиозных знаний и дел, не имеет равных во всем мире. Эта благодать будет лишь уничтожена мечом.*

Та же местность, которую хотят сделать Пакистаном, не может предложить ничего подобного. И подобной местности, где бы были религиозные медресе, духовные центры и школы Корана, так и не будет.

Именно так и произошло. По милости Аллаха, медресе Деобанда и Сахаранпура продолжали функционировать несмотря на исчезновение потока студентов из Бенгалии, Пенджаба, Синда и др. Но многочисленные медресе, основанные в Восточном Пенджабе посредством бараката хазрата Абдулкадира Райпури и особенно шейха Абдурахима Райпури и служившие на благо ислама с большой искренностью, в итоге перестали существовать... К Аллаху я обращаю свои жалобы.

После смерти моего дяди я проводил обычно весь рамадан в Низамуддине. В год раздела Индии, 29 шаабана 1366 г. х. (19 июля 1947 г.) я отбыл в Дели. Там я оказался в зухр-время, а в аср-время был в Низамуддине. Поскольку было 29-е число, я с намерением проведения месячного итикафа зашел в мечеть и занял то место, где ранее проводил итикаф мой дядя. А в Ляйлят-уль-кадр – 27-ю ночь того же рамадана, 15 августа 1947 г. – объявили о разделе Индии.

В ту ночь джамаат возглавлял шейх Манзур Нумани. С прочувствованными мольбами, плачем и слезами он обращался к Аллаху. В то время в Низамуддине собралось немало праведных мусульман, включая муфтия Махмуда Гангохи.

За несколько месяцев до объявления о разделе прошли массовые беспорядки в Бенгалии и Бихаре с кровопролитием и мародерством. Изо дня в день такие нападки на мусульман возрастали. Но все это меркнет на фоне того, что произошло далее. После раздела в Индии и Пакистане начал твориться форменный ад. Всюду текли целые реки крови... Я не преследую цели рассказывать обо всем случившемся, да и мужества и сил моих на пересказ тех событий не хватит.

В Коране есть следующие аяты о Дне воскрешения:

يَوْمَ يَفِرُّ الْمَرْءُ مِنْ أَخِيهِ ۝ وَأُمِّهِ وَأَبِيهِ ۝ وَصَاحِبَتِهِ وَبَنِيهِ ۝ لِكُلِّ امْرِئٍ مِّنْهُمْ يَوْمَئِذٍ شَأْنٌ يُغْنِيهِ

*В тот День человек убежит от своего брата, матери и отца, жены и детей. Каждый из них будет слишком занят своими делами, чтобы заботиться о других.* *(Коран, 80:34–37)*

Я все это видел. Каждый день в магриб-время из Низамуддина в Пакистан отправлялся спецпоезд с беженцами. Тем самым происходил обмен людей с противоположных сторон. Ежедневно, начиная с зухр-времени, мечеть Низамуддина наполнялась настолько, что уже издалека можно было увидеть сотни ждущих людей. В иша-время снова становилось пусто.

После отбытия поезда до восьмидесяти детей оставались брошенными на вокзале. Их родители бросали их до посадки на поезд.

– Почему вы оставляете детей? – спрашивали их.

– Приедем в Пакистан, там новые родятся, – бесстрастно отвечали они. – Почему мы должны этих брать?

Поезда сопровождались вооруженными солдатами, полицией и охраной. Причем охранники сами были повинны во многих убийствах и грабежах. С обеих сторон атмосфера была ужасной. Если б данные солдаты сами же не совершали этих поступков, большинство бы закрыли глаза и стали бы помогать и содействовать повстанцам.

На поезда совершались многочисленные нападения с грабежами и убийствами. А люди бросали своих коров, быков, коз, кур, причем не передавая заботу о них другим, а обрекая бедных животных на голодную смерть и растерзания хищниками. Те, кто был в определенной мере религиозным, приводили этих животных в дагват-центр Низамуддина.

В это время анархии и гражданских волнений я оказался фактически запертым в Низамуддине на четыре месяца. Еду распределяли порционно, причем привоз ее из Дели сам по себе был очень трудной задачей. Тем временем мы вынуждены были закалывать приведенных к нам животных и, словно в Праздник жертвоприношения, есть их мясо без хлеба за его отсутствием.

Порции еды выдавались на рынке Дели, где было большое количество сикхов. Дорога в Дели была крайне опасной для мусульман. Ни у кого не хватало мужества поехать туда, но да вознаградит Аллах нашего хаджи Аяза, и да дарует ему еще больше смелости! В это крайне опасное время он ездил туда и добывал столь нужную людям еду. Он привозил порции на пятнадцать человек, а тем временем в мечети находилось около пятисот людей… Но и эти порции выручали детей. Люди были по-настоящему поражены проявленной им храбростью.

Однажды на обратном пути вместе с ним в повозке оказалось три сикха и один индуист. Когда они покинули Дели, сикхи спросили хаджи Аяза:

– Как ты вообще среди нас оказался? А если мы тебя убьем, то что?

Громко и без страха он ответил:

– Вам ни за что меня не убить. А если такие смелые, то давайте, попробуйте.

Его ответ смутил их, они начали думать и даже делать друг другу знаки. Затем, закатав рукава, спросили:

– А почему это мы не можем убить тебя?

Он еще увереннее ответил:

– Потому что у меня есть с собой то, из-за чего вы просто не сможете меня убить.

Милостью Аллаха они так испугались, что до самого Низамуддина лишь думали да делали

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

друг другу знаки. Когда повозка прибыла в Низамуддин, индуист сказал:

– Покажи-ка мне вещь, о которой ты говорил.

– Нет, это не для выставления напоказ.

Когда я спросил его, что же это была за вещь, он ответил:

– Вы должны знать, ведь вы учили меня мольбе:

اللّٰهُمّ إِنّا نَجْعَلُكَ فِي نُحُورِهِمْ وَنَعُوذُ بِكَ مِنْ شُرُورِهِمْ

*О, Аллах! Мы возлагаем Тебя на их шеи и прибегаем к Тебе от их зла.*

Действительно, подумал я, эту «вещь» им не показали, но свое действие на них она произвела. Несомненно, в словах Аллаха кроется огромное воздействие при условии, что мы обладаем настоящей верой.

Мой дядя однажды дал мне мольбу: нужно было прочесть ее за определенного человека и затем подуть на него. Далее дядя сказал:

– А если он не выздоровеет, то значит, смерть лучше для него.

И я бесчисленное количество раз испытывал это в отношении мольб из хадисов. Если Аллах снова даст мне ту веру и убежденность в Нем, которая у меня была в то критическое время, это будет огромной милостью для меня. Я немало пережил в те опасные и неспокойные дни.

В то время часто проводились обыски домов и мечетей. Однажды в мечеть нагрянул большой отряд гуркхов. Не знаю, что за навет они получили, но я, находясь в мечети, повторял один и тот же аят:

وَجَعَلْنَا مِن بَيْنِ أَيْدِيهِمْ سَدًّا وَمِنْ خَلْفِهِمْ سَدًّا فَأَغْشَيْنَاهُمْ فَهُمْ لَا يُبْصِرُونَ

*Мы установили преграду перед ними и преграду позади них, окружили их – и они не видят.*
*(Коран, 36:9)*

Так спонтанно получилось, что этот аят раз за разом сходил с моего языка.

Около десяти-пятнадцати человек обыскивали здание до крыши включительно (и даже на крышу забирались), но ничего не нашли. До сих пор не знаю: то ли они ничего не смогли увидеть, то ли еще что произошло.

Нам неоднократно поступали достоверные сообщения о грядущих нападениях на дагват-центр, но каждый раз Всевышний Аллах направлял Свою помощь, и в магриб-время следовал мощный ливень с градом, в результате чего ни о каком нападении не могло быть и речи, дороги оказывались размыты.

Я слышал странную историю, относящуюся к тому времени. Лишь Аллах знает правду. Толпа повстанцев однажды прибыла для нападения на мечеть, но неожиданно сбежала. Когда их спросили о том, что произошло, они ответили:

– Мы пришли за живыми, но увидели, как против нас поднимаются мертвые.

Они утверждали, что при подходе к мечети увидели мертвых, выходящих к ним из могил, и поэтому просто сбежали.

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

Я привел лишь одну подобную историю, хотя слышал их в большом количестве. Не знаю, стоит ли их всех пересказывать.

Когда в конце шаабана я прибыл в Дели, стояло лето. На мне была длинная рубаха и штаны. При мне были также одни лунги. По пятницам я сдавал на стирку одежду, надевая лунги. Ответственные за стирку чуть не дрались за право взять мою одежду. Два-три часа одежда сохла, и я надевал ее на еще одну неделю. Поэтому, помимо этих трех предметов одежды, мне ничего не было нужно.

Но четыре месяца я фактически был заперт в Низамуддине. Наступило холодное время года, а у меня не было никакой возможности купить одежду, поскольку дорога в Дели была крайне опасной. Мой искренний друг, суфий Икбаль Хошиарпури (впоследствии переехавший Пакистан, а затем в Медину) тем временем, как и я, не мог покинуть Низамуддин. Видя, что у меня нет теплой одежды, он заплатил две рупии солдату и купил для меня свитер.

Я всегда был против свитеров, они мне категорически не нравились. Ранее я и сам не одевал их и детям не велел. Но нужда заставляет человека изменить своим привычкам, и следующие пятнадцать лет я носил этот свитер. Один мой друг впоследствии говорил мне:

– Прости уж грех этого свитера и дай мне его как табаррук, я пущу его себе на саван.

– Когда у меня будет другой свитер за две рупии, тогда отдам тебе старый.

Ну где найти сейчас свитер за две рупии? Но он в итоге принес мне другой свитер, сказав:

– Вот, выкупил его за две рупии.

Я не мог ему по-настоящему поверить, но отдал две рупии и получил в итоге новый свитер.

Впоследствии моя старая привычка носить лишь толстую шерстяную одежду покинула меня, да и среди алимов свитеры стали привычным предметом одежды.

Каждый год я обычно приезжал в Низамуддин 29 шаабана, проводил месяц в итикафе и после праздничного намаза отбывал в Сахаранпур, куда я прибывал вечером, но в этот год я отложил свой отъезд на несколько дней из-за гражданских волнений, а также серьезной болезни Умм Харун (каждый день мы считали последним для нее). Тем временем в Сахаранпуре все были очень озабочены. Мой близкий друг, мулла Махмуд Кандехлеви, который сейчас является заместителем директором школы «Исламия», а некоторое время и вовсе был ее директором, специально прибыл в Низамуддин узнать обо мне. Его сопровождал мулла Абдулмаджид Джалалпури – мой друг и большой почитатель хазрата Мадани.

Его преданность хазрату Мадани можно увидеть на следующем примере: если разносился малейший слух о прибытии хазрата в Сахаранпур ночью из Деобанда или Лакхнау, мулла холодной зимой проводил всю ночь на вокзале и в каждом поезде искал хазрата. Да вознаградит его Аллах! Если у приехавшего хазрата был час или больше времени до прибытия следующего поезда, мулла нанимал повозку и привозил его в медресе для встречи со мной. Мулла будил меня и говорил:

– Прибыл хазрат Мадани. До его поезда еще много времени, на обратный путь я уже заказал повозку.

После этого мне обычно ничего не оставалось, кроме сопровождения его до вокзала.

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

Мулла однажды совершил глупый поступок. Я называю его глупым, хотя он был совершен муллой из любви к хазрату, а когда такая любовь овладевает, случаются и глупости. Так вот, хазрат прибыл и через час должен был отправляться дальше. Мулла сказал кучеру:

– Быстро езжай! Заплачу, сколько скажешь.

Кучер сказал, что довезет до медресе за рупию, на что мулла ответил:

– Да я дам тебе пять рупий, если вовремя привезешь меня туда-обратно.

Через пять минут они были у моей двери. Лошадь гнали с такой силой, что та вся вспотела и тяжело дышала. Увидев это, я был в ярости и хотел отказаться ехать с ним, но, поскольку он приехал сообщить о прибытии хазрата, вынужден был поехать.

Так вот, мулла Махмуд и мулла Абдулмаджид третьего шавваля прибыли скоростным поездом, чтобы узнать обо мне. На их поезде находились и повстанцы. В их купе выкрикивались антимусульманские лозунги. А уже на следующем поезде, отбывшем в Дели из Сахаранпура в 18:00 произошли волнения и убийства… Из-за этого и закрыли маршрут из Сахаранпура в Дели.

Даже хазрат Мадани, которому приходилось постоянно ездить из Деобанда в Дели, сначала прибывал Сахаранпур, далее – в Морадабад и затем выбирал какой-нибудь относительно безопасный маршрут до Дели.

Раз уж начал говорить о мулле Абдулмаджиде, приведу еще один несуразный случай, произошедший с ним. Во время моего четырехмесячного «заточения» в Низамуддине один продукт оказался практически недоступным. Да простит Аллах покойного муллу и меня тоже! Он смог купить этот продукт у сикха за четыре рупии. Когда его спутник, мулла Махмуд узнал об этом, он забрал его у него. Да простит Аллах и его! Мулла Махмуд не ел его и другим не давал. Я просил, чтобы половину отдали шейху Юсуфу, но тот отказался. Вместо этого он нарезал его мелкими порциями и давал мне по два-три раза в день. Так длилось восемь-десять дней.

В то время из-за отсутствия почтовой службы высылка денег была невозможной. По той же причине о смерти в Кандехле моего зятя Саидурахмана я узнал лишь через два месяца…

У хазрата Абдулкадира Райпури был один мюрид, имя которого, думаю, лучше здесь не называть. Направляясь в Райпур, он обычно останавливался на одну ночь в моем доме. Однажды он сказал мне:

– Я был учителем в школе, но, прочтя вашу книгу «Истории о сподвижниках», уволился оттуда.

Услышав это, я рассердился, поскольку был категорически против того, чтобы человек увольнялся, не имея иных средств существования. Поэтому я сказал:

– Сколько б ты ни читал «Историй о сподвижниках», ты не найдешь там ни единого указания на свое увольнение. Принеси мне книгу и покажи, где ты это вычитал.

Я жестко раскритиковал его, после чего он сказал:

– Ну, не то чтобы это было написано, но таковым было мое впечатление.

– Если так был этим впечатлен, то хоть со мной бы сначала посоветовался. Возвращайся и отзови свое заявление об увольнении.

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

– Мне жаль, но увольнение уже принято, забрать заявление невозможно.

Из-за того, что он занимался также дагватом, он поддерживал связь с Низамуддином. Я советовал ему после десятидневного пребывания в Райпуре вернуться в Низамуддин и поселиться здесь. Я также рекомендовал ему направиться в мае к хазрату Райпури и рассказать тому о совете, который я дал. И хазрат подтвердил данный мною совет (многим людям известно, что, даже если мое мнение было не таким, как у хазрата, тот все равно соглашался с ним). Долгое время этот человек поступал сообразно моему совету, и во время раздела Индии он, как и я, оказался «узником» Низамуддина.

Когда в то время к шейху Юсуфу приходили спросить его разрешения на отбытие в Пакистан, он становился очень недоволен и говорил:

– Почему уезжаете? Смерти боитесь? Время смерти у каждого предопределено. Ни в Индии, ни в Пакистане оно иным не будет.

Но когда кто-нибудь спрашивал моего разрешения, я с готовностью давал его.

Как уже говорилось, мечеть Низамудддина ежедневно полностью наполнялась в зухр-время и пустела ближе к ночи из-за отбытия спецпоезда в магриб-время. Шейх Юсуф с утра до ночи сидел на минбаре и говорил людям о таваккуле (полагании на Аллаха), страха смерти и т. д. Он разъяснял эти моменты четко и выраженно. Даже когда шейха Юсуфа не было, его место занимал тот или иной мулла и с еще большим жаром продолжал начатую тему, отговаривая людей от отъезда. Когда шейх возвращался, для него освобождали минбар.

И вот однажды шейх Юсуф после зухр-намаза отправился по каким-то своим делам, и его место занял человек, который очень громко и с большим энтузиазмом выступил с речью. Я сидел в это время в комнате шейха Юсуфа, слушал выступление и был поражен им. Но вот шейх Юсуф вернулся, оратор освободил минбар и пришел, как ни странно, ко мне со словами:

– Разрешите мне поехать в Пакистан, пожалуйста.

Я был в шоке: только что он выступал с речью против отъезда в Пакистан, а теперь сам же просит о разрешении туда уехать. Но, как обычно, я сказал:

– Езжайте, конечно.

– Я бы хотел получить разрешение непосредственно от шейха Юсуфа, – сказал он.

– Мое разрешение – это разрешение шейха.

– Мне нужно лично от него получить разрешение, – обеспокоенным голосом сказал он.

Я послал за шейхом Юсуфом, чтобы тот зашел ко мне лишь на минутку, не прерывая своей лекции. Шейх, всегда считавший мои слова очень важными, сказал людям:

– Меня позвал брат Закария. Оставайтесь, я сейчас вернусь.

Он спустился с минбара и зашел в комнату. Я сказал:

– Этот человек хочет поехать в Пакистан. Я уже дал свое разрешение от меня, но ему нужно твое личное разрешение.

Шейх Юсуф рассердился и сказал:

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

– Какая нужда в моем разрешении, если брат Закария уже разрешил тебе ехать? Езжай.

Шейх вернулся к своей лекции, я распрощался с посетителем, а тот тут же собрал знать Низамуддина за пределами мечети и стал с большим вдохновением говорить, что отъезд в Пакистан – их долг. Речь произносилась с той же убежденностью, что и та, которую он прочел на минбаре. Только вот агитация велась теперь в противоположную сторону. Среди прочего он сказал:

– Шейх бы в любое время уехал в Пакистан, только хазрат Закария его удерживает. Шейх остается здесь, желая стать шахидом, никаких целей у него нет, никакие религиозные дела здесь провести невозможно. А мы не обязаны оставаться здесь, защищая собственные могилы.

Он с жаром призывал людей, но никто из известных жителей Низамуддина не последовал его совету, однако на многих обычных людей его слова подействовали.

Вопрос, ехать в Пакистан или нет, был темой очень горячих споров. Братья из Пакистана настаивали, чтобы шейх Юсуф переехал к ним, ежедневно высылая ему и его семье 25-30 авиабилетов. Они говорили, что из-за уже переехавших мусульманских масс присутствие шейха становится крайне важным для их духовного воспитания. Кроме того, неспокойная ситуация в стране и бойни в Уттар-Прадеше и Дели создавали впечатление, что возможностей для религиозных дел становилось с каждым днем все меньше.

Но на все эти аргументы у шейха Юсуфа был один ответ:

– Если брат Закария поедет, то и я тоже. Если нет, то нет.

На меня тоже оказывали большое давление братья из Дели и др. в отношении вопроса о переезде в Пакистан. Всем им я говорил:

– Пока я не посоветуюсь с двумя шейхами – хазратом Мадани и хазратом Райпури – решения принять я не могу.

– Напишите им письмо, – говорили люди, – а мы доставим его.

– Речь идет не о разрешении, а о консультации. А это может быть сделано лишь устно и лично. Когда будет возможность, я сам с ними посоветуюсь.

И в нашей семье было немало тех, кто хотел, чтобы мы с шейхом Юсуфом переехали в Пакистан, но никто не отваживался поднять эту тему в моем присутствии. Они оказывали давление косвенно, через отъезжающих. И это давление было постоянным. Все дороги на север к тому времени были перекрыты, и ехать по ним стало крайне опасно, поэтому возможности для разговора с хазратами Мадани и Райпури у меня не было.

В начале 1367 г. х. (конце 1947 г.) ко мне с большим трудом пришло письмо от муллы Насируддина из Сахаранпура. Он знал мою самую большую слабость и затронул именно ее: он писал, что нашел издателя для публикации четвертого тома «Ауджаз-уль-масалик», и он бы начал работу, но необходимо мое присутствие. Нужно сказать, что издание четвертого тома началось еще до раздела Индии, было потрачено немало средств на бумагу, но воцарившийся хаос приостановил всю работу, что очень беспокоило меня. Мне казалось, что публикация книги более невозможна.

На самом деле, мулла Насируддин использовал это письмо в качестве предлога для призыва вернуться. Его план сработал, во мне тут же пробудилось желание поехать домой. Я спросил разрешения шейха Юсуфа… Когда я вспоминаю его ответ и тот момент, на глаза

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

наворачиваются слезы. Он заплакал и сказал:

– Брат, ты оставляешь меня в таком положении?

Нужно также сказать, что в тот момент стоял вопрос о переносе дагват-центра из Низамуддина в Дели. На этом настаивал хафиз Фахруддин. Он даже организовал мужские и женские жилища для членов джамаата.

У хафиза были тесные связи с шейхом Хифзурахманом, и он смог убедить его. Шейх согласился с его мыслями ради нашей безопасности.

Да вознаградит Аллах шейха Хифзурахмана! Он не раз прибывал в Низамуддин на правительственном грузовике, чтобы перевезти нас в Дели. Шейху Юсуфу переезд был не по душе: он думал, что оставь мы Низамуддин – и беженцы займут его, после чего вернуть оставленное будет проблематично. Беженцы уже наводнили окрестности. Они угрожали постоянным жителям и наводили страх своими угрозами. Шейх Хифзурахман согласился, что вернуть оставленное после переезда будет практически невозможно. В этом я тоже был на стороне шейха Юсуфа.

Хафиз Фахруддин оказывал серьезное давление на него, но меня хафиз не очень старался переубедить. Шейх Юсуф опасался, что в мое отсутствие он снова окажется под давлением хафиза. Я сказал:

– В этом случае тебе будет легко ответить. Уверенно скажи ему: пока хазрат Закария не разрешит, уехать не могу.

В то время произошло странное событие, объяснения которому у меня нет и сейчас. Во время шавваля и зулькаады я испытывал тотальное злое присутствие тьмы, и это наводило на меня страх. Некоторое время я думал о том, что за тьма и зло это были, но никому об этом не говорил. Лишь по возвращении рассказал об этом хазрату Райпури.

В месяц зульхиджа тьма неожиданно рассеялась, и после Праздника жертвоприношения я снова стал чувствовать лучи света.

В итоге я заверил шейха Юсуфа, что беспокоиться нечего, но ничего о тьме и свете ему не сказал.

28 зульхиджи 1366 г. х. (12 ноября 1947 г.) в Дели из Деобанда, проведя ночь в Музаффарнагаре, прибыл хазрат Мадани. Он с огромным трудом добрался до Дели, и Ганди с Неру выражали по этому поводу свою печаль. Они говорили, что ему достаточно было лишь сообщить им о своем желании приехать, и они бы направили к нему госавтомобиль. Сразу после этого они дали ему в распоряжение правительственный грузовик для сопровождения его в Деобанд с четырьмя вооруженными гуркхами.

Хазрат Мадани написал мне:

*Уезжаю в Деобанд на грузовике с вооруженной охраной. Все женщины твоей семьи (а они с 21 шаабана находились в Дели из-за болезни твоей дочери Умм Харун) смогут спокойно поехать со мной.*

Путь домой беспокоил меня. Более легкого пути для возвращения женщин попросту не было. Поэтому, несмотря на то что шейх Юсуф не был доволен нашим отъездом, он дал свое разрешение.

Третьего мухаррама 1367 г. х. (17 ноября 1947 г.) хазрат Мадани отправил к нам грузовик, и

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

мы, со слезами распрощавшись, погрузились на него, в то время как у каждого угла стоял вооруженный гуркх.

В кабине сидели хазрат Мадани, мулла Абдулмаджид и вооруженный револьвером господин Махмуд Али Хан – мэр Кайлашпура, оказавшийся по случаю в Дели. Я разместился сзади вместе с женщинами. В 9 часов мы отбыли из Дели, но едва проехали семь миль, как грузовик сломался. Было сложно допустить выход женщин из охраняемой машины. Несмотря на свой пожилой возраст и слабость, хазрат Мадани вместе с нами стал толкать грузовик – не столько физической, сколько духовной силой. И тяжелый грузовик удалось сдвинуть благодаря его участию (физически мы бы не сдвинули машину ни на дюйм). Огромный грузовик завелся, и с некоторыми трудностями через пять-шесть часов мы прибыли в Сонту.

Увидев хазрата, жители Сонты и ученики медресе очень обрадовались. Они вынесли рис, кукурузные лепешки, овощи и др. Тем временем грузовик опять сломался. Женщины вышли из него и остались в медресе, а мы с хазратом пошли в мечеть. Солдаты же занимались починкой машины. Поскольку в противоположную сторону ехал другой военный грузовик, они направили сообщение вместе с ним. Где-то в магриб-время грузовик все-таки починили, и солдаты хотели продолжить путь. Хазрат попытался им объяснить, что с нами – женщины, и ночная поездка слишком рискованна, но те и слушать не хотели.

В результате мы поехали, совершили иша-намаз и отправились в путь. Поскольку грузовик был закрытым, и его сопровождали вооруженные солдаты, проблем на пути, хвала Аллаху, не было.

По прибытии в Музаффарнагар хазрат остановил грузовик у дома врача и сказал:

– Если мы сейчас поедем в Деобанд, эти солдаты уже не вернутся и не довезут вас до Сахаранпура. Они прямиком отправятся в Дели, а вам придется выйти в Деобанде, что доставит трудностей женщинам. Поэтому я схожу здесь, а грузовик поедет в Сахаранпур. Мне же отсюда будет легко добраться до Деобанда.

Хазрат Мадани вышел, громко звякнул цепочкой двери, но никто из дома не вышел. Поскольку солдаты торопились, он позволил нам ехать, а сам остался стоять.

Через Рурки мы прибыли в четыре часа утра в Сахаранпур. Когда мы проезжали Кайлашпур, вооруженный револьвером господин Махмуд Али Хан отказался выходить в своем селении, сказав:

– Это, конечно, здорово, что мы проезжаем прямо у моего дома, но как я могу оставить вас, да еще с женщинами, одних?

Он доехал до Сахаранпура вместе со мной. В Музаффарнагаре и Сахаранпуре был введен комендантский час с отключением электричества. Ни единого огонька во всей округе не было. Как только мы остановились, водитель поторопил нас, чтобы мы покинули грузовик.

Когда мулла Абдулмаджид вышел, он обнаружил, что все двери наших домов открыты, но при этом стоит полная тишина, и никого нет. Это было крайне странным. Со слезами на глазах он сказал мне:

– Никого нет. Все уехали в Пакистан.

Узнать, так это или нет, мы не могли: почта не работала уже несколько месяцев.

Мы пошли в дом муллы Насируддина. Лишь там обнаружили дверь, закрытую на цепочку изнутри. Мы потянули цепочку, позвали, но ответа не последовало. Так прошло три-четыре

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

минуты. Тогда солдаты выгрузили наш багаж и сказали женщинам выходить. Я усадил их на лестницу библиотеки. Было темно, и я даже не увидел, весь ли багаж был выгружен. Ко всему этому добавлялся страх перед полицией: обнаружь они нас на улице – и нам бы грозили проблемы из-за нарушения комендантского часа.

Господин Хан уехал, поскольку у него был дом в Сахаранпуре, мимо которого должны были проезжать солдаты.

Лишь спустя четверть часа мулла Насируддин открыл дверь и выглянул.

– Раб Аллаха! – сказал я ему. – Открой дверь, это я, Закария. Принеси лампу.

Только тогда он открыл дверь, поприветствовал нас и принес светильники. Я взял лампу и стал обыскивать каждую комнату своего дома, а также дома муллы Абдулмаджида, чтобы убедиться, что никто и ничто не прячется здесь.

Сначала привел домой женщин, затем трое из нас занесли в дом багаж. У двери моего дома я спросил муллу, почему все эти двери открыты. Он ответил, что забыл закрыть их после асра, а в магриб-время уже начался комендантский час.

– Это не оправдание, – сказал я.

Когда я пришел в мечеть на фаджр-намаз, было огромное оживление в связи с моим возвращением в махаллю, распространившееся по всему городу. Дух и надежды людей поднялись до таких высот, что я уж и сам стал сомневаться, не являюсь ли каким-нибудь вожаком.

Я также обнаружил, что многие жители нашей махалли разбили палатки у моста в ожидании отбытия в Пакистан. Видя моя возвращение, люди тоже начали возвращаться. Первым, кто вернулся, был мой друг, лесоторговец Изхар Ахмад со своим отцом, всей семьей и вещами. Впоследствии стало известно, что тем вечером вернулось двести семей.

Всю жизнь у меня проблемы с усталостью после дороги. И в этот раз, вернувшись в Сахаранпур, меня накрыл жар. Когда хазрат Райпури узнал о моей болезни, он приехал навестить меня и остался на три дня. А 10 мухаррама в Сахаранпуре был хазрат Мадани, но он прямиком с вокзала отбыл в Гангох. Хазрат Райпури не успел застать его. Прождав его весь день, он уехал домой после асра. Хазрат Мадани вернулся в Сахаранпур лишь после магриба. Когда он узнал, что хазрат Райпури был в Сахаранпуре для встречи с ним, но уехал в аср-время, он тут же направился в Бахут. Но и там разминулся с ним: тот уже отбыл в Райпур. Наконец, они встретились в Райпуре и вместе вернулись на следующий день в магриб-время в Сахаранпур.

Именно тогда состоялся наш совместный с ними совет, о котором впоследствии рассказывали газеты. О совете также писал Али Надви в книге «Саваних», посвященной хазрату Райпури.

Вернувшись в Дели, я сообщил хазрату Мадани о давлении, оказанном на меня в Дели по поводу переезда в Пакистан. Я сказал ему:

– Я поставил этот вопрос в зависимость от вашего совета. И от моего решения зависит также решение шейха Юсуфа.

Хазрат Райпури тоже сказал, что его решение зависит от нашего:

– Люди из Пенджаба настаивают на моем переезде, но я поставил его в зависимость от

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

решения хазрата.

Мы собрались в моем доме для консультации. Хазрат Абдулкадир Райпури открыл наш совет, обратившись к хазрату Мадани:

– Хазрат, те, кто контактирует со мной, они с Восточного и Западного Пенджаба. Те, кто был в контакте с шейхом Абдурахимом Райпури, тоже в большей степени оттуда. Из этих двух регионов практически все мусульмане переехали в Пакистан. И все они настаивают на моем переезде.

Мулла Хабибурахман тоже говорил о необходимости учета нужд этих людей и тоже поставил свой отъезд в зависимость от решения хазрата.

Хазрат Райпури продолжил:

– Мой собственный дом – это Западный Пенджаб, и мой переезд, конечно, порадует их. Они настаивают на этом с начала рамадана. Теперь же я жду вашего совета. Весьма важно то, что здесь есть много ахлюлла (людей, близких к Аллаху). А там практически нет ни ахлюлла, ни работы по духовному воспитанию людей. Некоторые пали шахидами, другие оказались погребены этим хаосом.

Хазрат Райпури подчеркивал, что его отъезд крайне необходим. Очень внимательно выслушав его, хазрат Мадани глубоко вздохнул и со слезами сказал:

– Наш план провалился. Свершись он – и не было всех этих убийств и разрушений. Не было бы этого массового переселения.

План хазрата состоял в том, чтобы в постколониальной Индии была образована федерация, в которой каждый регион получал власть во внутренних делах. Внешние же вопросы (оборона, почта и пр.) контролировались бы центральным правительством, сформированным как из мусульман, так и из индуистов. И те, и другие получали бы по 45 %, а оставшиеся 10 % доставались другим меньшинствам. Ганди одобрил этот план, но Джинна отверг его.

– Если б мой план был принят, – говорил хазрат, – не было бы всего этого кровопролития, погромов и миграции. Теперь же я никому не препятствую, если кто хочет уехать. Мой дом – в Медине, и Махмуд настойчиво зовет меня туда, но я не могу оставить без руководства своих индийских братьев в дни, полные крови и разорения. Поэтому кто желает пожертвовать своей жизнью, имуществом, почетом, религиозным и мирским статусом ради местных мусульман, пусть остается. У кого нет на это терпения и мужества, может ехать.

– Я с вами, хазрат, – сказал я.

– Ну как я могу уехать и оставить вас двоих здесь? – сказал хазрат Райпури.

Я никому не говорил о результатах нашего совета, но в иша-время уже вовсю разносилась весть, что три хазрата решили остаться в Индии. Благо этого совета заключалось в том, что все те, кто ранее сомневался в своем решении, теперь в большей степени успокоились.

Те времена действительно приблизили к нам День воскрешения, еще раз показали, сколь противоречив этот мир. Царило такое чувство безысходности, что дорогую медную утварь продавали за сущие гроши. В Дели проводились аукционы, и медные сосуды продавали примерно по три анны (индийских монеты) за килограмм. Люди прибывали на своих машинах к вокзалу и бросали их, усаживаясь в спецпоезд.

Шейх Хифзурахман часто жаловался:

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.

– Эти люди оставляют шикарные машины прямо на дороге. Если б они отдали их мусульманскому центру, автомобили бы принесли пользу. А так, что толку нам от брошенных вещей?

Царило такое беззаконие, что не хочется даже писать о всем хаосе того времени. Например, дочь хафиза Фахруддина находилась в Рохтаке, когда всех их заставили убираться оттуда пешком, а ведь она была на большом сроке беременности. Хафиз, имевший тесный контакт с Неру, направил письмо начальнику полиции, чтобы тот не подвергал его дочь изгнанию, но начальник заявил:

– Ни за что. Здесь Неру – это я.

Тут вспоминается мой хадж 1338 г. х. (1920 г.). Тогда, если вы грозили бедуинам пожаловаться на них шерифу Хусейну, они говорили:

– Кто шериф? Я шериф!

Да дарует Аллах шейху Хифзурахману высокий ранг на том свете! В те чрезвычайно опасные дни он без страха ездил в охваченные хаосом индийские селения, чтобы утешить разоренных мусульман, выслушивая при этом множество оскорблений. Аллах благословил его огромным терпением.

Но еще более поразительным выглядит мужество, проявленное хазратом Мадани. В те опасные времена он предпринял множество поездок по Индии, рассказывая мусульманам о награде за стойкость перед лицом бедствий. Он объехал всю страну, призывая мусульман к стойкости.

Был случай, в отношении которого я позавидовал хазрату. Один сторонник Лиги бросал в его адрес жесткие оскорбления, но хазрат написал множество писем, чтобы утешить его. Хазрат лично пошел и поговорил с ним, словно тот был его близким другом и сторонником. Я сам слышал некоторые из оскорблений, бросаемых определенными сторонниками Лиги между Джамной и Гангом, и был свидетелем сострадательных, вежливых ответов хазрата:

– Не бойтесь, скоро эти бедствия пройдут. Если у вас есть проблемы, пишите мне. Даст Аллах, помогу, чем смогу.

Бывало так, что хазрат даже лично шел в правительство Индии, заступаясь за определенных сторонников Лиги, чьи имена я бы не хотел называть. Я всегда буду восторгаться характером хазрата, проявлявшимся в том, что он заступался за тех самых людей, которые оскорбляли и унижали его. Он даже давал гарантии от своего имени, что те более не будут высказываться против правительства. Но эти сторонники Лиги не оценили стараний хазрата и уехали в Пакистан. Да дарует Аллах хазрату высочайший ранг! В те дни во время публичных выступлений он нередко становился так взволнован, что слезы невольно выходили из его глаз, и он плакал.

*Из книги «Моя жизнь» Закарии Кандехлеви*

ASKIMAM.RU © 2009 - 2026 | Только для некоммерческого использования без изменений.